

Алексей ВАСИЛЬЕВ: «В жизни самое дорогое — время»

Ректор Санкт-Петербургской консерватории дал эксклюзивное интервью главному редактору газеты «Музыкальное обозрение» Андрею Устинову. Встреча состоялась в кабинете ректора, накануне VII Санкт-Петербургского культурного форума

Главная тема — реконструкция

МО | Вопрос, который сегодня тревожит музыкальную общественность не только Санкт-Петербурга, но и всей страны — реконструкция исторического здания консерватории. Для первой консерватории России жизнь вне исторических стен — нонсенс. Стены ведь тоже воспитывают.

АВ | У нас есть официальная информация от Северо-Западной дирекции по строительству, нашего генерального заказчика на проведение работ от имени Минкульта, что они намерены завершить реконструкцию основного исторического здания к 2022.

МО | Почему же так долго идет реконструкция?

АВ | Так получилось. Раньше и мне, и всем казалось, что надо немного потерпеть, в 2019 реконструкция закончится, и все будет здорово.

Сейчас оптимизма поубавилось, потому что мы начинаем уставать от того, что находимся во временных условиях, и терпеть их нам еще долго. Более всего меня пугает, что мы к этим временным условиям начинаем привыкать. Живем, работаем, выпускаем студентов, ведем концертную работу. Правда, вести ее приходится на площадках города. Слава богу, нас пока туда пускают. Но, конечно, это плохо. Мне, например, как руководителю симфонического оркестра, негде рассадить его в полном составе. У нас есть оркестровый класс, но он вмещает не более 45 человек: это помещение для камерного оркестра. И когда надо готовить и проводить концерт консерваторского симфонического оркестра, мы просим зал нашей ССМШ на ул. Матвеева, 1, в ущерб их занятиям.

Да, школа входит в нашу структуру, и ничто не мешает мне просто дать распоряжение, но все равно — там же идет учебный процесс, надо договариваться, что-то переносить, это неудобно и им и нам. Кроме того, в этом здании расположено и училище имени Римского-Корсакова, подчиненное городскому правительству. Поэтому надо договариваться и со школой, и с училищем. Это, конечно, не радует. Но, несмотря на все это, мы продолжаем выступать. На Культурном форуме мы, правда, выступаем струнным составом, потому что в зале университета комфортно разместиться большим составом невозможно.

Только что завершился, «отгремел» фестиваль «Международная неделя консерваторий». Открытие прошло в Большом зале филармонии, закрытие — Концертном зале Мариинского театра. Гостем фестиваля был Владимир Иванович Федосеев. Все прошло, я считаю, весьма достойно.

Но возврата в историческое здание мы ждем с нетерпением. У коллег «руки чешутся» поставить что-то в консерваторском театре, предложений — множество. Хотим ставить русские оперы.

Ко мне часто приходят люди с глазами, покрасневшими от слез, с вопросом: «А все-таки вернемся ли мы в наше здание?». Я им показываю документы о том, что здание в настоящий момент находится в оперативном управлении консерватории. Оно и сейчас наше, просто мы покинули помещение на время ремонта. Как же можно вернуться туда, откуда не уходили?

МО | Здание, в котором вы находитесь сейчас — федеральная собственность?

АВ | Да, и весь комплекс. В свое время здесь была, по-моему, Академия транспор-

та, потом Минобороны передал его Министерству культуры, а Минкультуры решило его реставрировать, реконструировать и большую часть помещений передать нам, потому что консерватория всегда задыхалась от нехватки пространства.

МО | И возможно, вы здесь останетесь...

АВ | Останемся обязательно. Тогда мы с трудом войдем в норматив по площади на количество студентов. Этот норматив достаточно жесткий, и нам с нашим контингентом этих площадей едва хватит, чтобы в него вписаться.

МО | Некоторое время назад проходила информация, что найдено какое-то уникальное решение по проекту реконструкции...

АВ | Конечно, каждое здание имеет свой возраст, и все конструкции изнашиваются. Например, деревянные перекрытия. Их необходимо менять, но это невозможно во время учебного процесса! Плюс вопрос пожарной безопасности.

Далее: усиление фундамента, которое, кстати, успели провести в первом блоке работ, немного «очертя голову», потому что невнимательно следили за документацией. Но успели укрепить фундаменты. Это тоже было невозможно без отселения. Реконструкция театрального зала... В общем, целый комплекс задач.

Было принято правильное решение: привести первую русскую консерваторию в порядок. Я продолжаю надеяться, что в итоге так и будет. Но строительство — такая штука... Коллеги говорят: «Тебе повезло, что не ты ведешь стройку, на тебя бы столько всего повесили...».

МО | С другой стороны, полный отказ от влияния на стройку — тоже неверно.

АВ | Я не могу влиять. Мы можем жаловаться, лить слезы в министерстве, нас понимают, успокаивают: «Сделаем все возможное». Но влиять — извините. В определенный момент стукнуть кулаком по столу и сказать: «А вот этот документ я не подпишу!» — нет. На своей прошлой работе я однажды так сделал, и мне

понравилось: все вокруг сразу зашевелилось с такой скоростью! Сейчас у меня такой возможности нет.

МО | В плане реконструкции и реставрации стоит сохранение ауры, ощущения исторического консерваторского здания?

АВ | Сохранение исторической подлинности — одна из главных задач, хотя я не очень понимаю, как можно прописать ауру в техническом задании.

Но в своем кабинете я храню особую «ректорскую» атмосферу — Рубинштейна, Римского-Корсакова, Глазунова...

Магистральная цель — восстановить исторический облик там, где это возможно. Мы понимаем, что, например, восстановить облик Большого зала им. Рубинштейна — это значит остаться без театра, потому что исторически это был концертный зал с раковиной, подобный Большому залу Московской консерватории.

Судьба Театра

МО | А как сейчас обстоит дело с театром? И что с ним будет?

АВ | Театр существует в дежурном режиме. Идет столько спектаклей, сколько нужно для оперной практики студентов-вокалистов. И на тех сценах, с которыми мы можем договориться. Недавно договорились на два спектакля в «Мюзик Холле».

МО | Оперный театр по площади составляет почти половину консерватории. Именно площадь театра обеспечивает метраж, необходимый вузу по образовательным стандартам.

С другой стороны, когда театр появился, там все было испорчено кошмарной эстетикой 1960-х...

АВ | Естественно, эстетики 60-х не будет. Но будут компромиссные решения. Например, останется исторический цвет интерьера. Но сохранится конструктивная специфика зала как театрального, потому что мы нуждаемся, прежде всего, в театральном зале. Все-таки уникальность Санкт-Петербургской консерватории — именно в наличии своего театрального зала.

До 2006 по организационно-правовой форме театр был самостоятельным юридическим лицом: учреждением культуры, главной задачей которого было производство спектаклей. Имел приличные доходы. Студентов работать туда не пускали. Они там подрабатывали, как и сотрудники консерватории.

Битва за объединение театра и консерватории шла долго. В 90-е годы я был студентом и хорошо помню, как ректор Владислав Александрович Чернушенко бился за объединение. Он считал — и я с ним полностью согласен, — что в театр надо пустить студентов.

В 2006 мечта Владислава Александровича осуществилась, хотя к тому времени он уже четыре года как не был ректором. В результате объединения нескольких юридических лиц театр вошел в структуру консерватории.

Помню, была большая радость оттого, что теперь все наше, будем здесь делать что хотим. А я эту радость не разделял. Мне казалось, что рано или поздно возникнут проблемы. Потому что в слиянии учреждений с разными целями и задачами всегда таится большая опасность. Задача театра — выпуск спектаклей, а задача консерватории — образование студентов. В результате мы получили театр, который стоит напротив Мариинского (теперь уже двух Мариинских) с тем же репертуаром. И продать туда билеты очень трудно.

Все рассчитывали, что театр должен приносить доход. Но, когда я был назначен ректором, это была статья расхода. Причем расхода катастрофического, поскольку здание уже было закрыто на ремонт, театр давал спектакли в «Мюзик Холле» (в среднем 4 спектакля в месяц), и мы должны были платить такую аренду, что вопрос об окупаемости вообще не стоял. Я уже не говорю о заработной плате.

Поэтому сегодня театр существует как антреприза. Студенты готовятся, собираются оркестр и хор, и выпускается «Евгений Онегин». Эту постановку осуществил в свое время Алексей Олегович Степанюк. Это не просто перенос его постановки в Мариинском. Он всегда работает в заданных условиях. У меня впечатление, что

он и в этом кабинете мог бы поставить «Евгения Онегина». А наши студенты все-таки получают практику.

Я стараюсь быть оптимистом. Думаю, что будущее у театра замечательное. Я вижу молодой театр, в котором творят студенты. Что мы можем противопоставить здесь, на Театральной площади, Мариинскому театру? Только молодость, свежесть прочтения, которую не нужно путать с опасными экспериментами. Свежесть прочтения — это когда молодые люди первый раз поют эту оперу и только постигают ее, и у них за плечами нет 220 «Онегиных»... И благодаря этому к нам бы мог пойти наш зритель, и это могло бы стать для нас источником и радости, и дохода.

О некоторых мифах

МО | Сейчас от всех консерваторий требуют выполнения заданий по платным концертам и т.д. А вам и работать-то негде...

АВ | Скорее не требуют, но активно стимулируют к этому, чтобы мы не забывали: коль скоро у нас есть такие рычаги, мы обязаны ими пользоваться. Мы стараемся развивать эту часть нашей деятельности. Конечно, ежегодно мы отчитываемся о том, сколько мы сами заработали. Но количество платных концертов зависит от наших возможностей. К нашим нынешним возможностям, конечно, относятся с пониманием. А мы, в свою очередь, стараемся использовать любую возможность выступить вне консерватории. Такая у нас сейчас творческая политика.

МО | Еще одна «страшилка» из прошлого: соединение всех творческих организаций Санкт-Петербурга под крышей одной, соседствующей с вами на Театральной площади... Эта история, по-вашему, завершилась?

АВ | Такое соединение нереально. Прежде всего, потому, что музыкальное сообщество и общество в целом наглядно продемонстрировали, как они к этому относятся. Уже тогда, в 2013, было публично и доходливо разъяснено, почему этого не может быть. И это стало надежной страховкой от подобных шагов. Хотя кто-то продолжает бояться. Но у нас кроме слухов в коридорах, которые периодически возбуждаются, ничего нет. Предполагаю, что кому-то это могло быть выгодно.

Другие времена, новые условия

МО | В музыке произошла мощнейшая революция. Слом. Традиционные системы отмирают, развивается электронная музыка, не очень понятно, куда все будет двигаться. И многие вузы находятся в «последнем вагоне» перемен. Почему стало так много независимых лекций, неформального общения? В том числе и потому, что вузовская система во многих вещах отстает от реальности. Консерватории действительно в основном академически консервативны и этим отчасти гордятся. И это уже вызывает некое противодействие... Альма-матер никто не ругает, но уже «посягают на святое».

АВ | Я потому и поднял эту тему, что свой консерватизм, наверное, нам следует пересматривать. Иначе есть опасность в один прекрасный день оказаться неким памятником, превратиться в «музей». Консерватория в любом случае должна двигаться вперед, развиваться, осваивать новые технологии. Если мы будем чуть более открыты, чуть менее консервативны, допускать чуть большее количество мнений, чем у нас обычно принято, то нам самим будет интересней жить.

Слово «консерватория» — красивое, вокруг него ореол таинственности, но, по сути, это образовательное учреждение, и мы должны давать образование. Сегодня мы живем в таком мире, когда недостаточно просто научить человека, условно говоря, играть на скрипке. Нам же известны все образовательные стандарты. Они утверждены министерствами, Правительством, но написаны нашими коллегами. И там прописаны все те компетенции, которыми наш студент должен сегодня владеть. Если говорить в целом — это навыки социального общения, коммуникации, помимо всего прочего.

МО | Может быть, им, молодым, сегодня проще овладеть этими навыками, потому что первое, что сегодня делает ребенок — раздвигает иконку на iPad. Ни вашему, ни моему поколению это не было дано.

АВ | Да, мы выросли в иных условиях, и для нас социальное общение выражалось по-другому. Время меняется, меняется жизнь, и мы должны адаптироваться к этому. Что конкретно делать, я, наверное, сейчас побоюсь сказать, потому что мы действительно не знаем, что будет завтра.

Зато помним, как было вчера: в Советском Союзе все было на госдотации. А сегодня... Приглашаем на концерт молодежного коллектива: «О-о, спасибо. Приглашение пришлете?» — «Пришлем, конечно». А в голове мысль: «Билет не хотите купить?»

Чтобы подготовить концерт, музыканту надо репетировать, заниматься, тратить время — самое дорогое, что есть в нашей жизни. А потом никто не захочет купить билет...

МО | Мы говорим о том, что много концертов, а с другой стороны, в жизни общества академическая музыка занимает все меньшее место.

АВ | Академическая музыка, безусловно, нужна. Потому что есть люди, которым она необходима, которые приходят на концерты и слушают ее. Но слушателей тоже надо воспитывать.

Эта ниша все равно остается. Но чтобы из этой ниши подавать обществу некие сигналы, которые привлекли бы к себе внимание, какими-то традициями нам, видимо, придется поступиться.

Возьмем, к примеру, оперу. Давайте на минутку забудем, что мы — музыканты-профессионалы, и поставим себя на место среднестатистического человека. Из его сознания оперу давно вытеснили, во-первых, мюзиклы, а во-вторых, «важнейшее из всех искусств» — кино.

Человеку всегда хотелось хлеба и зрелищ. Так вот, интерес к зрелищам сегодня оттягивает на себя кинематограф: как зарубежный, так отечественный, как в т.н. мейнстримных жанрах, так и арт-хаус, и фестивальное, на любой вкус. А билет в кино стоит дешевле, чем на оперный спектакль.

Или взять оркестр. Мне хочется, чтобы мой оркестр играл симфонии. А мне говорят: «Симфония — это хорошо, а можно ли что-то развлекательное?». Хорошо еще, если попросят Штрауса на Новый год. И вот я перед выбором — пойти у них на поводу и развлекать, или ответить: «Нет, мы это играть не будем». Но тогда у нас вовсе не будет концерта.

Свою роль играет и телевидение. Есть такая «болезнь» — переключать каналы. С тех пор как появился телевизионный пульт, многие люди только и делают, что их переключают. Сегодня для них раздолье. У меня дома, например, 142 канала. Из них академическую музыку транслируют ровно два: «Культура» и Mezzo. Вот вам и соотношение, доля нашей ниши.

МО | У Вас есть опыт педагогической работы и с совсем юными музыкантами, и с ребятами постарше. У меня есть ощущение, что студенты стали ограниченнее. При том, что им сегодня доступна любая информация.

АВ | Возможно, это ощущение связано с тем, что раньше (например, когда я поступал в музыкальную школу), конкурс был 20 человек на место. Профессия академического музыканта считалась престижной, все родители пытались всеми правдами и даже неправдами определить ребенка в эту школу, даже если он вообще не хотел заниматься музыкой. Сегодня конкурс значительно ниже: 6–10 человек, а на некоторые специальности — один человек на место.

МО | У кого: у духовиков, теоретиков?

АВ | На духовые инструменты есть конкурс, но вот если набираем курс теоретиков — просто счастливы. К сожалению, спад и в приеме на народные инструменты.

Но, хотя желающих учиться меньше, зато, по моим наблюдениям, к нам приходят люди, которые не могут жить без музыки. Те, кто искренне решил: музы-

ка — это мое. Не всегда это люди большого таланта. Например, юноша говорит: «Обожаю виолончель». Сначала я, как виолончелист, думаю, что вряд ли он обогатит собою нашу профессию. А потом начинаю понимать: если человек чего-то хочет, надо дать ему возможность этого добиться. А что касается ограниченности... Просто они — люди, чуть более заикленные на своей профессии, чем мы, их предшественники.

Глазунов и сосульки

МО | Вы сказали, что в своем кабинете храните особую «ректорскую» атмосферу. Здесь висят портреты ваших великих предшественников: это как-то влияет на вас?

АВ | В какие-то моменты влияет.

МО | Каждый из них тащил свой груз. Им, конечно, не снилось все то, что сейчас происходит, но у всякого времени свои трудности.

АВ | А нам не снилось, что тогда происходило. Тоже ведь были какие-то бытовые вещи, которые сегодня кажутся глупостью. Мы не можем работать без интернета, компьютера, а в то время — перо, бумага, и все. Письмо в Москву могло идти неделю, а сейчас по электронной почте доходит мгновенно. Другое время предъявляет другие требования. Мы должны идти в ногу со временем или хотя бы успевать за ним. Мне кажется, окончательно законсервироваться (от слова «консерватория») сегодня все равно не получится, если мы хотим оставаться нужными...

МО | Согласитесь, что ваши предшественники в своем времени, в своем социально-культурном окружении занимали очень значимые места. Их голоса, их деяния в общественно-культурной жизни влияли на многие процессы. Демарш Римского-Корсакова остался в истории. Сегодня слово ректора даже ведущего вуза, консерватории не имеет резонанса в обществе. Мне кажется, что этого голоса, этого слова обществу не хватает.

АВ | Я не согласен с тем, что это слово отсутствует вовсе. Оно присутствует, но скорее в локальном масштабе, и, наверное, не имеет такого веса, как раньше.

Я это объясняю так: те, кого мы вспоминаем, были великими музыкантами и великими людьми своего времени. Суперзвездами, как сейчас бы сказали. Это были люди, сочинявшие самую известную, великую музыку. А в отсутствие кинематографа музыка, концерты были главным развлечением. В нашей стране эта традиция, кстати, сохранилась: если суперзвезда что-то скажет, эти слова мгновенно станут всем известны... Я сейчас не говорю про звезд поп-музыки, это отдельная история.

Как сделать, чтобы слово ректора имело вес? Кажется, все просто: давайте вместо всех наших ректоров назначим суперзвезд — и будет всем счастье!

МО | И реконструкция будет идти до 2048 года...

АВ | Но практика показала, что сегодня, для того чтобы работать руководителем консерватории, недостаточно быть суперзвездой и иметь громкое имя. Надо вести огромную ежедневную организационную работу, успеть со всеми поговорить, со всеми позаниматься. Столько всего посмотреть, прочитать, во все выникнуть. Сегодня ректор не имеет права сказать: «Я сочиняю музыку, и я буду решать, кого принять на работу, а кого нет, а все остальное делайте сами». Ректор несет персональную ответственность за все, в том числе и за такие нетворческие вопросы, как сосульки на крыше или отопление в здании.

МО | Для Петербурга сосульки — это тема...

АВ | Когда я подхожу к нашему зданию, первый взгляд — вверх, на сосульки... Если что-то не так, звоню проректору: «Что будем делать?» Он мне отчитывается: «К 12 придут сбивать». Но до 12 все равно на душе неспокойно. Сбили — полегчало. Не думаю, что Глазунов занимался этим. Хотя я не осмелюсь себя с ним сравнивать.

Может быть, народу у него в подчинении было меньше. Или люди были осторожнее, под сосульками не ходили. А если серьезно, то мы же не знаем, какие проблемы у него были. И время было другое, и темп жизни другой. Глазунов, например, мог себе позволить съездить в гости на денек-другой к своему другу Сибелиусу...

А я, если еду в Москву по делам, стараюсь уложиться в интервал между поездами — 2 часа 40 минут: приехал, пробежался по инстанциям, решил все вопросы — и обратно. Такова жизнь. Со всем другая по сравнению с началом XX века. Сегодня ректор — главным образом менеджер, который отвечает за все без исключения, что происходит в вузе. По-другому не может быть. Хотя бывает. Мы знаем примеры, когда ректор занимается своей артистической карьерой, а в это время его команда работает: казалось бы, все делает правильно, а потом выясняется, что неправильно, а за ошибки отвечать ему. Еще одна проблема — количество бумаг.

МО | Я не знаю ни одного руководителя, кто бы не отчаивался по этому поводу...

АВ | Все буквально вопиют, потому что это время, это энергия...

МО | И никто их не читает...

АВ | Кое-что читают. Вот что самое неприятное. Поэтому нельзя ошибаться. Я успокаиваю себя мыслью о том, что, наверное, количество бумаг, циркулирующих в обществе, пропорционально количеству интересов. Чем больше разных интересов, тем больше необходимость как-то регулировать их, о чем-то договариваться на бумаге, подписывать договоры, все фиксировать, чтобы потом проще было разбираться. Отсюда и количество разных бумаг.

Там же, где интересы совпадают или имеют общую направленность, как в Китае — бумаг меньше, но у них Коммунистическая партия до сих пор правящая, особо не с кем подписывать договоры.

А вот, например, в Германии, с ее свободой и демократией, с бумагами просто ужас. Мы тоже вступили на этот путь свободы и демократии...

МО | То есть любая свобода в итоге приводит к появлению новой бумажки по поводу новой свободы.

АВ | Абсолютно верно. 94-й ФЗ только ленивый руководитель не упомянет в интервью. Для чего он был принят? Чтобы экономить государственные деньги, не тратить их впустую и, давайте откровенно, не тащить их налево.

Но сейчас уже дошло до того, что при покупке канцелярских товаров бумаг пишется столько, как будто покупается автомобиль: о том, что мы покупаем правильную канцелярию, что она не слишком дорогая, не роскошная, что мы покупаем там, где цены не завышены. В консерватории это одна из главных проблем, каждое заседание ректората начинается с обсуждения «бюрократических» вопросов. К примеру, я еще в апреле попросил купить мне мобильный разборный дирижерский подиум, чтобы ездить с оркестром на выездные концерты. Его нет до сих пор.

Это подиум производят только в Германии. Надо его найти, потом найти поставщика, потом — оптимальную цену, провести торги или предоставить обоснование цены... Потом — определение срока поставки, заключение контракта... И все в это в интернете.

МО | Год может уйти.

АВ | Мне обещали привезти до Нового года. Но я не удивлюсь, если его еще не будет.

Как руководитель я обязан относиться к этому с пониманием и в глубине души верить, что все это — во благо Отечества, разумеется. Хотя, конечно, тяжело работать. Раньше было легче. Но тот, кто хочет что-то купить — все равно купит. Правда, процесс будет идти долго, но в конце концов результат будет.

Вообще я верю, что, когда есть желание, можно добиться всего. Когда его нет, можно придумать любое оправдание, почему мы этого не будем делать. Но пока у нас это желание есть. Значит, будем жить и работать. ■■■